

Г. Чуфрин

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЕАЭС

DOI: 10.20542/2073-4786-2020-4-11-24

В ходе развития процесса евразийской интеграции на постсоветском пространстве в мае 2014 г. Россия, Белоруссия и Казахстан заключили Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с последующим присоединением к ним Армении и Киргизии. Начавший реально функционировать с января 2015 г., ЕАЭС прошел к концу 2020 г. два этапа, непосредственно связанных между собой хронологически, но во многом различных по своему содержанию.

Первый из них, который пришелся на 2015–2019 гг., характеризовался в целом важными позитивными тенденциями и немалым числом заметных достижений социально-экономического характера. В ходе юбилейного заседания Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС), состоявшегося в мае 2019 г. в Нур-Султане (Казахстан), его участники не только констатировали заметный социально-экономический прогресс, достигнутый членами ЕАЭС за первое пятилетие функционирования Союза, но также рассмотрели и одобрили планы дальнейшего развития и углубления евразийской интеграции в основных сферах совместной хозяйственной и социально-гуманитарной деятельности на ближайшую и среднесрочную перспективу.

Эти планы, при условии их успешного воплощения в жизнь, вполне реально могли обеспечить качественный сдвиг в экономическом развитии ЕАЭС и росте общественного благосостояния населения входящих в него стран, тем самым существенно повысив значимость Союза не только на региональном, но и глобальном уровнях. Однако на пути к реализации этих целей в конце 2019 – начале 2020 г. возникли новые серьезные вызовы, знаменовавшие наступление второго этапа в деятельности ЕАЭС.

К их числу относилось, в частности, существенное обострение ситуации в мировой экономике в связи со вспышкой пандемии коронавируса. Начавшись в декабре 2019 г. в Центральном Китае, эпидемия затем стремительно распространилась по всему миру. В марте 2020 г. ВОЗ официально признала глобальный характер пандемии, присвоив ей название COVID-19.

В ответ на пандемию коронавируса и в целях оказания ей активного противодействия в мире были предприняты масштабные антиэпидемические

меры, включавшие введение режима строгого карантина в населенных пунктах, в том числе в городах-миллионниках; установление серьезных ограничений, вплоть до полного запрета на трансграничные перемещения людей, в том числе трудовых мигрантов; отмену массовых общественных, спортивных и культурных мероприятий и, наконец, введение на территории целого ряда государств частичного или даже полного режима чрезвычайного характера.

Тем не менее эти действия оказались недостаточно эффективными, чтобы приостановить пандемию или хотя бы существенно снизить темпы ее распространения. О росте масштабов заболевания убедительно свидетельствовало то, что, по данным университета Дж.Хопкинса (США), в начале декабря 2020 г. число зараженных коронавирусом в мире превысило 65 млн человек, а число летальных исходов – 1,5 млн человек, причем эти показатели продолжали расти и далее. Позиции лидера, как по числу инфицированных, так и жертв пандемии, заняли США.

Захватила пандемия и Россию, вышедшую на четвертое место в мире (после США, Индии и Бразилии) и первое в Европе по числу заражений коронавирусом, хотя количество летальных случаев в РФ, благодаря принятым медико-санитарным мерам и административным ограничениям, оказалось все же меньше, чем в большинстве других крупных стран [1].

Как и Россия, другие страны – члены ЕАЭС, за исключением Белоруссии, также прибегли к введению строгих антиэпидемических мер. Свой отказ вводить их белорусские власти объяснили тем, что такого рода меры приведут к ограничению экономической активности, а это повредит стране намного больше, чем сам коронавирус.

Вместе с тем, поскольку реальная эпидемиологическая ситуация в Белоруссии стала ухудшаться – это проявилось в существенном росте заболеваемости населения и увеличении числа летальных исходов – экспертная комиссия ВОЗ, посетившая страну в апреле 2020 г., выразила беспокойство позицией Минска и рекомендовала ему начать принимать эффективные меры безопасности, «готовясь к худшим сценариям». В частности, по мнению экспертов ВОЗ, следовало запретить в стране проведение любых массовых мероприятий, обеспечить строгий карантин больных и контактных лиц, установить правила социального дистанцирования.

Однако, признавая угрозу распространения пандемии коронавируса на территории страны вполне реальной, власти Белоруссии, тем не менее, продолжали отстаивать свой подход к реагированию на нее.

Тем временем, в условиях активизации пандемии коронавируса в мире наибольший ущерб несли предприятия, относящиеся к сфере услуг и общественного питания, пассажирские перевозки (особенно авиационные),

международный туризм, гостиничный бизнес и отрасли развлечений, равно как малое и среднее предпринимательство в целом. По мере развития кризиса в орбиту его воздействия стали все чаще попадать и крупные предприятия сферы материального производства, что вело к усилению падения объемов национального производства и ВВП. Все это не могло не сказаться негативно на состоянии деловой активности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

По мнению главы Международного валютного фонда Кристаллины Георгиевой, в связи с этими негативными событиями и тенденциями мировой экономике стала реально угрожать глубокая рецессия, намного более разрушительная по своим последствиям, чем результаты финансового кризиса 2008–2009 гг. [2]. Ситуация в мировой экономике усугубилась к тому же в связи с резким обострением взаимоотношений между крупнейшими производителями нефти – Саудовской Аравией и Россией – и развалом в марте 2020 г. соглашения ОПЕК+, действовавшего с декабря 2016 г. и накладывавшего на участников обязательства по ограничению объемов добычи нефти с целью стабилизации цен на нее.

Изначально у Москвы было желание продлить это соглашение на квартал или даже на год на действовавших условиях, используя это для того, чтобы максимально реалистично оценить ситуацию с меняющимися масштабами спроса на нефть на мировом рынке в условиях пандемии коронавируса. Как заявлял в этой связи премьер-министр РФ М. Мишустин, с этим, однако, не согласились страны ОПЕК во главе с Саудовской Аравией, приняв решение не продлевать соглашение, если Россия не даст согласия на немедленное серьезное сокращение размеров своей нефтедобычи. Аргументы и возражения Москвы не были приняты во внимание, и Эр-Рияд объявил о снижении цен на свою нефть и увеличении ее добычи до рекордных уровней. Его примеру последовал и целый ряд других членов ОПЕК, в первую очередь из числа ближневосточных государств.

Эти события, предсказуемо, вызвали резкое падение мировых цен на нефть, приведя к тому, что только за неделю, после того как в начале марта 2020 г. соглашение ОПЕК+ было разорвано, нефть марки Brent, потеряв в стоимости 40%, подешевела до минимума с мая 2003 г., а стоимость нефти марки WTI снизилась до минимума с марта 2002 г. В свою очередь драматическое ухудшение глобальной обстановки на мировом нефтяном рынке поставило под реальную угрозу не только интересы России ввиду реальной перспективы радикального падения размеров ВВП, роста безработицы и сокращения валютных доходов, но и реализацию планов развития евразийской интеграции.

К тому же обвальное снижение мировых цен на нефть могло стать важным фактором, способным дестабилизировать социально-политическую

обстановку в странах – членах ЕАЭС и способствовать росту оппозиционных настроений в обществе в результате ухудшения экономической ситуации, снижения деловой активности и падения доходов населения. Вполне реальной в этих условиях могла стать активизация радикально-экстремистской части политической оппозиции, к тому же косвенно, а то и прямо поощряемой из-за рубежа.

Стремясь не допустить дальнейшего развития событий по такому сценарию, крайне негативному для ее национальных интересов, руководство России дало согласие на проведение нового раунда переговоров в формате ОПЕК+ для достижения компромиссного соглашения по нормализации ситуации на мировом рынке нефти.

В результате весьма сложных переговоров, прошедших в первой половине апреля 2020 г., такое соглашение в конечном итоге было достигнуто. В соответствии с его условиями, участники переговоров договорились о том, что с 1 мая и до конца июня 2020 г. ежесуточное снижение ими добычи нефти составит 9,7 млн барр., с 1 июля – 7,7 млн барр., а с 1 января 2021 г. и до апреля 2022 г. – 5,8 млн барр. При этом Россия и Саудовская Аравия дали обязательство на первом этапе снизить ежесуточную добычу на 2,5 млн барр. каждая.

В Москве в целом положительно оценили достигнутое соглашение, выразив надежду, что согласованный документ окажет позитивное влияние на международные рынки и позволит спасти цены на нефть от обвального снижения. Действительно, с началом действия соглашения ОПЕК+ падение мировых цен на нефть удалось замедлить и даже началось их постепенное восстановление. Однако это восстановление было не только медленным, но и нестабильным, поскольку размеры мировой добычи нефти, а также накопившиеся в нефтехранилищах запасы по-прежнему превышали спрос на нее, заметно сократившийся в условиях снижения глобальной деловой активности, вызванного пандемией.

В свою очередь угрозы, связанные с пандемией коронавируса и нестабильностью на мировом рынке нефти, продолжали оказывать крайне негативное воздействие не только на текущее состояние, но и, как минимум, на ближайшие перспективы глобальной экономики, и без того находившейся на грани очередного циклического кризиса.

Аналогичные по своему характеру процессы наблюдались и в торгово-экономических отношениях между членами ЕАЭС. Так, объем их взаимной торговли в первом полугодии 2020 г. сократился до 25,5 млрд долл. – на 14,1% по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. Снижение стоимостного объема взаимной торговли членов ЕАЭС было обусловлено как сокращением средних цен на товары общего рынка ЕАЭС (на 9,5%), так и физического объема взаимных поставок (на 5,1%). При этом снижение

средних цен на товары обусловило 68% общего сокращения стоимостного показателя, а уменьшение товарной массы – 32% [3].

В этих условиях преодоление серьезных вызовов и угроз национальной и региональной стабильности, безопасности и экономическому прогрессу настоятельно требовало от правительств государств – членов ЕАЭС существенного повышения уровня взаимного доверия и степени эффективной координации взаимодополняющих действий в политической, социальной и экономической областях.

В целях максимизации результатов межгосударственного сотрудничества, ЕАЭС должен был продемонстрировать способность реально выступать на мировом рынке как единый торгово-экономический блок, осуществляя эффективную координацию отношений с зарубежными странами, а не как группа государств, каждое из которых преследует свои собственные интересы в деловых связях с внешним миром, мало (если вообще) интересуясь тем, как подобные действия могут влиять на национальные интересы его официальных партнеров по ЕАЭС.

По существу, сложившаяся в мире ситуация в результате пандемии коронавируса и проблем на рынке нефти поставила страны – члены ЕАЭС перед, возможно, самым серьезным испытанием их намерений осуществлять глубокое сотрудничество, включая готовность пойти на существенные взаимные уступки и компромиссы для отстаивания общих целей, заявленных при подписании Договора о создании Евразийского экономического союза.

Наряду с принятием законодательных и административных мер, способствовать этому должен был и накопленный странами – членами ЕАЭС опыт взаимодействия на протяжении ряда лет в различных сферах производственной и гуманитарной деятельности.

Начало масштабному и комплексному обсуждению вытекающих из этих задач мер и рекомендаций было положено на заседании членов Высшего Евразийского экономического совета, проведенном 14 апреля 2020 г. В совместном заявлении, принятом по его итогам, была подчеркнута необходимость сохранения международного сотрудничества в условиях пандемии и недопущения превращения противоэпидемических заслонов в непреодолимые барьеры между государствами.

По вопросам, непосредственно связанным с деятельностью ЕАЭС, участники заседания выразили намерение не только сохранить достигнутый уровень интеграционного сотрудничества, социальную и макроэкономическую стабильность, но и обеспечить дальнейшее развитие государств – членов Союза. Правительствам и центральным банкам стран-членов ЕАЭС, а также Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) было предложено осуществлять скоординированные меры по укреплению экономического

сотрудничества членов Союза, сохранению стабильности функционирования внутренних, в том числе продовольственного, рынков.

Планируя совместные действия по сохранению и развитию взаимных хозяйственных связей, участники заседания уделили особое внимание принятию мер по совместному обеспечению и защите здоровья граждан Евразийского союза. В целях борьбы с пандемией коронавируса, они заявили о намерении оказывать необходимое содействие друг другу по вопросам укрепления национальных систем здравоохранения, проведения совместных научных исследований в области разработки средств профилактики, диагностики и лечения инфекции, совершенствования алгоритмов взаимодействия при реагировании на пандемию.

При этом государства – члены Союза условились сообща принимать меры по ограничению вывоза в третьи страны критически важных медицинских препаратов и техники с тем, чтобы не допустить их нехватки на союзном рынке, и, если возникнет необходимость, помогать друг другу с доставкой гуманитарной помощи и медицинских товаров первой необходимости, исходя при этом из приоритета удовлетворения спроса на эти товары на внутреннем рынке ЕАЭС.¹ Завершая заседание ВЕЭС, его участники выразили в совместном заявлении «твердую уверенность в том, что преимущества интеграции помогут нашим странам и народам достойно справиться с пандемией COVID-19 и устранить ее негативные последствия» [5].

Со своей стороны российское правительство выдвинуло ряд дополнительных инициатив по укреплению межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве, разрешив, в частности, в целях защиты прав трудовых мигрантов из стран ЕАЭС и СНГ их пребывание в РФ без официального продления виз и взимания платы за патенты на трудовую деятельность до специального уведомления. Россия также выразила готовность продолжить передачу партнерам по ЕАЭС, согласно получаемым от них запросам, медицинского оборудования, средств диагностики и индивидуальной защиты населения.

В сентябре 2020 г., после того как Россия добилась успеха в разработке первой антивирусной вакцины против COVID-19, Москва выразила готовность предложить этот препарат и технологию его

¹ Ухудшение ситуации с пандемией коронавируса в Белоруссии в конце мая 2020 г. вынудило, однако, правительство этой страны расширить действовавшие до этого ограничения на экспорт ряда медицинских товаров (масок, халатов, аппаратуры для кислородной терапии и искусственного дыхания) и временно распространить их на вывоз перечисленных товаров в страны ЕАЭС [4].

производства другим странам, прежде всего – членам ЕАЭС и другим постсоветским республикам. В числе первоочередных адресатов, соответственно, были объявлены Белоруссия, Киргизия и Узбекистан.

Вышеуказанные решения имели, несомненно, принципиальное значение, подтвердив стремление России и других стран – членов ЕАЭС к преодолению коллективными усилиями драматичных вызовов их национальной безопасности, обусловленных пандемией коронавируса и дестабилизацией нефтяного рынка.

Впрочем, к сожалению, в отношениях между членами ЕАЭС присутствовали и достаточно серьезные разногласия, помешавшие, в частности, принятию проекта Стратегии развития евразийской экономической интеграции на перспективу до 2025 года. К их числу относилось требование Армении и Белоруссии установить единый тариф на услуги по транспортировке и транзиту газа между членами Союза. Это, по мнению президента Белоруссии А.Лукашенко, было необходимо в связи с неурегулированностью вопросов ценообразования на услуги транспортировки газа на общем рынке ЕАЭС на протяжении нескольких лет, при том, что актуальность проблемы постоянно возрастала.

Иной позиции придерживалась Россия. Выступая на очередном заседании ВЕЭС в мае 2020 г., президент В.Путин заявил, что Россия совместно с Казахстаном и Киргизией предлагает отложить решение спорного вопроса по тарифам до переговоров по формированию общего рынка газа, ибо «единый тариф может быть реализован лишь на едином рынке с единым бюджетом, единой системой налогообложения. Столь глубокий уровень интеграции в ЕАЭС еще не достигнут, а пока цены на газ должны формироваться на основе рыночной конъюнктуры, учитывать затраты и инвестиции поставщиков, а также обеспечивать обоснованную норму прибыли на вложенный в добычу капитал» [6].

Различия в позициях стран – членов ЕАЭС по одним вопросам не исключали, однако, их готовности к дальнейшему сотрудничеству по другим, имевшим важное значение для будущего Союза. В частности, среди вопросов, по которым членам ЕАЭС предстояло выработать единый подход, обсуждалась возможность дальнейшего расширения численного состава Союза с учетом изменения настроений в ряде стран, причем не только постсоветских, в пользу установления и развития с ними более тесных торгово-экономических отношений. При этом речь не шла о принятии этих стран в ЕАЭС в качестве полноправных членов (хотя в перспективе такая возможность не исключалась), но, скорее, о поиске и развитии новых институциональных форм стимулирования взаимовыгодного сотрудничества.

Одной из первых постсоветских стран, проявивших практический интерес к налаживанию такого сотрудничества, стала Молдова, обратившаяся еще в 2018 г. к руководству ЕАЭС с просьбой предоставить ей статус наблюдателя в этой организации. Высший Евразийский экономический совет положительно отнесся к этой просьбе и на своем заседании в мае 2018 г. утвердил Положение о статусе государства-наблюдателя при ЕАЭС,² а так же принял решение о предоставлении этого статуса Республике Молдова [7].

Вслед за Молдовой возможность присоединения к ЕАЭС стала активно рассматриваться Узбекистаном. Впервые об этом в Ташкенте заговорили еще в начале 2019 г., мотивируя целесообразность такого шага целым рядом экономических выгод от усиления сотрудничества со странами – членами Союза, в первую очередь – с Россией и Казахстаном.

Комментируя эти намерения Узбекистана, в МИД России отметили, что подключение к ЕАЭС действительно имело бы для него «ряд неоспоримых плюсов: доступ к единому рынку товаров, рабочей силы, услуг и капитала, а также к технологическому, транзитно-транспортному и инвестиционному потенциалу данного объединения» [8]. В свою очередь и в ЕАЭС, подтверждая готовность к сотрудничеству с Узбекистаном во взаимоприемлемых формах, приветствовали бы его участие в деятельности Союза.

В пользу такого взаимовыгодного решения свидетельствовал существенный рост взаимного товарооборота Узбекистана со странами ЕАЭС, увеличившийся на 60% в 2016–2019 гг. до 8,4 млрд долларов. В результате доля ЕАЭС во внешней торговле Узбекистана составила 30%, а объем экспорта сельхозпродукции превысил 75%. Впрочем, как отметил президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в ходе своего выступления в январе 2020 г. в парламенте республики, первоначально целесообразно было бы ограничиться получением статуса наблюдателя в ЕАЭС (как это было ранее сделано Молдовой) и внимательно изучить все последствия, которые ждут Узбекистан после присоединения к Союзу.

² Согласно утвержденному Положению, представители государства со статусом наблюдателя могут присутствовать по приглашению на заседаниях органов ЕАЭС без права участия в принятии решений и получать принимаемые органами Союза документы, не носящие конфиденциальный характер. Государство, имеющее статус наблюдателя, обязано воздерживаться от любых действий, способных нанести ущерб интересам Союза и отдельных его стран-участниц.

Во исполнение этого намерения законодательная палата Олий Мажлиса (парламента) Узбекистана одобрила 28 апреля 2020 г. предложение правительства о получении статуса наблюдателя в ЕАЭС. Поясняя свое решение в специальном постановлении, депутаты заявили, что взаимодействие Узбекистана с ЕАЭС позволит увеличить экспорт продукции, снизить расходы на железнодорожные перевозки на 220 млн. долл. и увеличить доходы трудовых мигрантов на 15–20%. При этом они указали и на возможные негативные последствия присоединения Узбекистана к ЕАЭС. «Взаимодействие нашей страны с данной организацией приведет к снижению производства в некоторых отраслях страны, частичной потере рабочих мест, снижению инвестиционной активности и темпов модернизации экономики».

Аналогичную позицию по вопросу присоединения Узбекистана в качестве наблюдателя к ЕАЭС занял и Сенат Олий Мажлиса (верхняя палата парламента), приняв соответствующее постановление в ходе своего заседания 11 мая 2020 г. Опираясь на эти решения парламента, президент Узбекистана Ш.Мирзиёев официально обратился в ЕАЭС с просьбой рассмотреть вопрос о предоставлении стране статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС [9].

Впрочем, переговоры в Евразийской экономической комиссии о получении статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС велись, как уже было отмечено, не только с постсоветскими республиками, но и с другими государствами. В частности, в начале декабря 2020 г. Советом ЕЭК была одобрена заявка Кубы о предоставлении ей такого статуса.

Еще одной важной задачей, стоявшей перед ЕАЭС, явился поиск путей и методов эффективного взаимодействия с третьими странами путем развития с ними торгового, инвестиционного, межбанковского и иных форм хозяйственного сотрудничества, включая создание совместных зон свободной торговли (ЗСТ). Высокая значимость этого процесса как для национальных интересов отдельных государств, входящих в состав ЕАЭС, так и для всей организации в целом диктовалась несколькими причинами.

Во-первых, создание ЗСТ, предусматривая отмену таможенных пошлин и снижение количественных ограничений на оборот товаров и услуг, должно было способствовать росту взаимного товарооборота членов ЕАЭС с внешними партнерами по таким соглашениям.

Во-вторых, реализация соглашений о ЗСТ могла стать одним из эффективных способов смягчения прямых и косвенных последствий западных санкций против России и ее союзников, в том числе ограничивающих им доступ к необходимым промышленным товарам и источникам сырья, а также к современным технологиям.

В-третьих, создавая новые возможности выхода на мировой рынок, соглашения о ЗСТ должны были содействовать росту числа потребителей продукции стран – членов ЕАЭС, оказывая, тем самым, положительное влияние на рост их национального производства.

Наконец, в-четвертых, эти соглашения должны были способствовать росту делового авторитета ЕАЭС в мире и признанию его важной и надежной международной организацией в глобальных торгово-экономических отношениях.

Вместе с тем, как отмечает известный специалист по проблемам евразийской интеграции Е.Винокуров, практически все страны, с которыми ЕАЭС заключил соглашения о ЗСТ, а также те, с которыми велись переговоры по этой проблематике (например, с Индией, Египтом или Аргентиной), имели с Союзом относительно небольшие размеры реальных партнерских торгово-экономических связей. Даже такая страна, как Индия, попадала в эту категорию, ибо, являясь, несомненно, крупной экономической державой она имела достаточно скромный объем торговых и инвестиционных операций со странами ЕАЭС ввиду их значительной географической удаленности и сложности решения международных транспортных проблем.

В этой ситуации в среднесрочной перспективе весьма важным торгово-экономическим партнером ЕАЭС, в частности в области электроники и автомобилестроения, по мнению Винокурова, могла бы стать Южная Корея, одна из высокоразвитых стран АТР, которая к тому же находится в выгодной географической позиции относительно рынка ЕАЭС [10].

Некоторые выводы и прогнозы

Оценивая перспективы ЕАЭС, следует, на наш взгляд, отметить следующее. С одной стороны, его члены не только продемонстрировали положительные в целом результаты развития на начальном этапе существования Союза, но и сохранили его жизнеспособность в условиях пандемии коронавируса и сложной ситуации на глобальном нефтяном рынке. Также они подтвердили свои намерения, сделанные на уровне официальных заявлений, продолжить дальнейшее взаимодействие и углубление взаимного сотрудничества.

Вместе с тем было бы серьезной ошибкой недооценить (а тем более – игнорировать) то, что как на текущее состояние, так и на будущее ЕАЭС глубокое воздействие оказывал и продолжает оказывать целый ряд негативных факторов.

К их числу относятся, во-первых, системные вызовы внешнего характера, важное место среди которых занимает сохранение и даже ужесточение режима западных политико-экономических санкций против России и ее союзников.

Во-вторых, эффективность ЕАЭС явно тормозится под влиянием целого ряда неурегулированных болезненных проблем во взаимоотношениях между самими членами Союза, включая сохранение различного рода ограничений и изъятий в их взаимной торговле, транспортных тарифах, налоговой и инвестиционной политике.

В-третьих, существенный ущерб интересам ЕАЭС нанесла пресловутая политика многовекторности, которая в исполнении некоторых членов Союза на практике нередко сводилась к попыткам достичь договоренности с третьими (как правило – западными) странами во изменение (а то и откровенно – за счет) ранее взятых на двусторонней или многосторонней основе обязательств в отношении своих партнеров по Союзу, в первую очередь – России.

Вполне ожидаемо, в Белоруссии, например, такая политика, при откровенной поддержке из-за рубежа (в том числе из сопредельных Польши и Литвы) привела к укреплению позиций местных прозападных и националистических сил и обострению на этой базе внутривнутриполитической и экономической обстановки, что и проявилось в форме массового протестного движения, развернувшегося в связи с непризнанием официальных итогов президентских выборов в августе 2020 г.

Масштабы этого движения оказались столь значительными, что властям не удалось подавить его сугубо силовыми методами, включая разгон демонстраций с применением водометов, светошумовых гранат и слезоточивого газа, арестами активистов и представителей прессы. Явно неэффективными оказались и попытки, в том числе предпринятые на высшем уровне, внести раскол в среду противников действующей власти, создав в стране лояльную политическую оппозицию.

Как следствие, Белоруссия оказалась в условиях затяжного кризиса, оказывающего глубокое негативное воздействие на самые различные стороны ее социально-политической и экономической деятельности, включая эффективность ее участия в коллективных хозяйственных программах ЕАЭС.

К еще большим, фактически катастрофическим, последствиям привела другую страну – члена ЕАЭС, Армению, начавшаяся ревизия ее новым руководством, пришедшим к власти в 2018 г., приоритетной ориентации на Россию во внешней политике, сопровождавшаяся преследованием лиц с пророссийскими взглядами во внутренней. Эти маневры, проводившиеся под лозунгами многовекторности, привели к

формированию новой политической реальности на Южном Кавказе, одним из результатов которой явилось критическое повышение уязвимости национальной безопасности как самой Армении, так и союзной с ней самопровозглашенной Нагорно-Карабахской республики (НКР). Логичным поэтому стало то, что эти изменения в конце сентября 2020 г., при прямом поощрении из-за рубежа (в первую очередь – из Турции), спровоцировали переход многолетнего конфликта Еревана и Баку по поводу Нагорного Карабаха в стадию крупнейшего с 1994 г. вооруженного столкновения между ними.

В ходе конфликта Азербайджан сумел восстановить свой контроль над значительной частью районов вокруг Нагорного Карабаха, удерживавшихся Арменией на протяжении последних трех десятилетий. Помимо этого, азербайджанской армии удалось серьезно продвинуться вглубь территории собственно Нагорного Карабаха, освободить древний город Шуша и вплотную подойти к Степанакерту, столице НКР. В результате этих наступательных действий к началу ноября 2020 г. возникла реальная угроза установления Азербайджаном полного контроля над территорией НКР.

В этой ситуации, в результате активных посреднических действий России удалось достичь подписания совместного заявления президентов России и Азербайджана и премьер-министра Армении о прекращении военных действий в Нагорном Карабахе с 10 ноября 2020 г. и обговорить условия мира.

Согласно им, стороны, подписавшие заявление, достигли соглашения о введении в зону конфликта российских миротворцев и их размещении вдоль линии фактического противостояния враждующих сил на момент подписания вышеупомянутого заявления. При этом Армения обязалась вывести под охраной российских миротворцев свои войска из Нагорного Карабаха по Лачинскому коридору, через который обеспечивается стратегическая связь Армении и НКР, и возвратить Азербайджану часть территорий, которые она удерживала до недавнего времени. Среди них – Агдамский район, Кельбаджарский район, Лачинский район и часть Газахского района.

Была также достигнута договоренность, что российские миротворцы останутся в Карабахе ближайшие пять лет. Этот срок автоматически продлится еще на пять лет, если ни одна из сторон конфликта не будет против [11].

В свою очередь приведшие к указанным кризисным последствиям политические маневры руководства как Белоруссии, так и Армении, отвлекая столь необходимые им людские, финансовые и материальные ресурсы на достижение завуалированных официальной риторикой, но по

существованию деструктивных целей, серьезно ослабили не только их собственные национальные, но и коллективные возможности членов ЕАЭС по выполнению программ взаимного хозяйственного сотрудничества, намеченных ранее сроков и масштабов их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коронавирус по всему миру*. 06.12.2020. URL: <https://coronavirus-control.ru/worldwide> (дата обращения 06.12.2020).
2. Георгиева: Мировую экономику ждет рецессия, хуже, чем в 2009 г., МВФ ищет решение проблемы. – *112.ua*, 28.03.2020. URL: <https://112.ua/ekonomika/georgieva-mirovuyu-ekonomiku-zhdet-recessiya-huzhe-chem-v-2009-g-mvf-ishhet-reshenie-problemy-530841.html> (дата обращения 05.11.2020).
3. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза. Январь – июнь 2020 года. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_I_202006.pdf (дата обращения 10.09.2020)
4. Белоруссия продлила до 1 июля запрет на экспорт медицинских товаров. – *ТАСС*, 29.05.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8595717> (дата обращения 06.11.2020).
5. Совместное заявление членов Высшего Евразийского экономического Совета в связи с пандемией коронавируса, 14 апреля 2020 г. – *Ритм Евразии*, 14.04.2020. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-04-14--sovmestnoe-zajavlenie-chlenov-vysshego-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soveta-v-svjazi-s-pandemiej-koronavirusa-14-aprelja-2020-g.-48488> (дата обращения 14.04.2020).
6. Путин заявил о спорах с Минском и Ереваном по тарифам на прокачку газа. – *РБК*, 19.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/05/2020/5ec3b1329a794703765f3a7a> (дата обращения 19.05.2020).
7. Итоги ВЕЭС: Молдове предоставлен статус государства-наблюдателя при ЕАЭС, страны Союза укрепляют основу для устойчивого экономического развития, взаимодействия с третьими странами, реализуют цифровую повестку, расширяют единый рынок услуг. – *ЕЭК*, 14.05.2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/14-05-2018-3.aspx> (дата обращения 14.05.2018).
8. В МИД России оценили готовность Узбекистана вступить в ЕАЭС. – *Рамблер/новости*, 10.02.2020. URL: <https://news.rambler.ru/other/43653114-v-mid-rossii-otsenili-gotovnost-uzbekistana-vstupit-v-eaes/> (дата обращения 10.02.2020).

9. Панфилова В. Евразийский экономический союз расширится за счет Узбекистана. – *Независимая газета*, 02.10.2020. URL: https://www.ng.ru/cis/2019-10-02/6_7691_uzbekistan.html (дата обращения 06.11.2020).

10. Vinokurov, Evgeny (2020). The Free Trade Agreements of the Eurasian Economic Union. – *Baltic Rim Economies*, 2 (Spring). Expert article 2747. URL: <https://sites.utu.fi/bre/the-free-trade-agreements-of-the-eurasian-economic-union/> (дата обращения 12.11.2020).

11. Трехстороннее заявление по Карабаху. Главное. – *Interfax.ru*, 10.11.2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/736359> (дата обращения 12.11.2020).